

## Советско-японское противостояние и «буддийский фактор» (1927–1945 гг.)

© 2012

Ф. Синицын

В статье анализируется воздействие «буддийского фактора» на советско-японские отношения в период 1925–1945 гг., в частности, его роль в политическом и военном противостоянии СССР и Японии.

*Ключевые слова:* буддизм, религиозная политика СССР, советско-японские отношения, Дальний Восток, Бурятия, Калмыкия.

Проблемы взаимоотношений между СССР и Японией достаточно полно изучены в отечественной историографии. Исследованы такие аспекты, как дипломатические отношения между двумя странами и геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1920–1940-е гг.<sup>1</sup>, ход военных действий во время советско-японской войны 1945 г.<sup>2</sup>, а также обоюдное формирование «образа врага»<sup>3</sup>. В последние два десятилетия был опубликован ряд работ, раскрывающих отдельные аспекты положения буддийской конфессии в СССР в период 1920–1940-х гг.<sup>4</sup> Однако тема сопряжения «буддийского фактора» и советско-японских отношений, в частности, роли этого фактора в политическом и военном противостоянии СССР и Японии в указанный исторический период, исследована недостаточно.

Как известно, военно-политическое противостояние Советского государства и Японии началось фактически сразу после Октябрьской революции. Во время Гражданской войны Япония приняла участие в антисоветской военной интервенции, оккупировав часть территории Дальневосточной республики (Северный Сахалин оставался под японской оккупацией вплоть до 1925 г.). Установление СССР и Японией дипломатических отношений 20 января 1925 г. в определенной мере ослабило напряженность в регионе. Тем не менее, на дальневосточных рубежах Советского Союза продолжала царить беспокойная обстановка, обусловленная в том числе деятельностью белоэмигрантских организаций в Маньчжурии, недружественной политикой по отношению к СССР с стороны правительств Чжан Цзолина и Чан Кайши, а также активностью тибетского религиозного и политического деятеля Панчен-ламы IX (Панчен-Богдо), бежавшего в Китай в 1923 г. Сохранялась опасность иностранного вмешательства, вплоть до военной интервенции, во внутренние дела дружественных СССР Монгольской и Тувинской Народных Республик.

После короткого «затишья» в советско-японских отношениях ситуация изменилась к худшему, когда в декабре 1926 г. к власти в Японии пришел император Хирохито, а в апреле 1927 г. премьер-министром этой страны был назначен Г. Танака. С этого времени советское руководство все чаще стало получать по разным каналам сообщения о разработке Японией планов военного нападения на СССР<sup>5</sup>, а также о том, что японское

правительство намечает новый курс «на объединение народов Азии... против СССР». Особо подчеркивалось, что это начинание «будет проводиться в большей степени через буддийское духовенство и религию»<sup>6</sup>.

К осени 1927 г. для властей СССР дальнейшее ухудшение обстановки на «буддийском Востоке» стало очевидным ввиду «частичного поражения китайской революции», «агрессивной политики» империалистических держав, «использования ими в антисоветских делах Панчен-Богдо», включая посещение им Внутренней Монголии «с целью борьбы с большевистским влиянием». Поэтому руководство СССР сочло необходимым нивелировать воздействие «буддийского фактора» в международной политике путем «проведения совершенно гибкой и осторожной политики» по отношению к священнослужителям, принадлежавшим ко всем течениям внутри буддийской общины Советского Союза (обновленцы, консерваторы и «нейтральные»). Предполагалось тем самым предотвратить «всякие нежелательные с политической стороны последствия», включая эмиграцию лам в Монголию и Тибет и распространение ими «отрицательной информации о СССР», в т.ч. касающейся гонений на буддизм<sup>7</sup>. Реализация такого тактического хода по отношению к буддийской конфессии должна была также способствовать последним попыткам наладить отношения с Тибетом, которые были предприняты советским руководством в 1927–1928 гг.

Однако потепление политики по отношению к буддизму в СССР было недолгим, чему способствовали как внешнеполитические (провал советской миссии в Тибете), так и внутривнутриполитические факторы (форсирование коллективизации сельского хозяйства и других реформ). «Борьба с ламами» в СССР была объявлена «одной из очереднейших задач» по противодействию «интернациональной роли буддизма», который стал рассматриваться в качестве «реакционной силы мирового масштаба»<sup>8</sup>.

Советское руководство не сомневалось, что агрессивные устремления Японии будут базироваться на «буддийском факторе», так как эта религия вполне «приспособилась... для обслуживания империалистической политики» Японии<sup>9</sup>. Было выявлено, что японское правительство вело «напряженную работу по организации всебуддийского центра», из которого стали «исходить решительные попытки подчинить японскому влиянию буддийскую часть населения Китая, Тибета и Индии»<sup>10</sup>. Материалы ВКП(б) и Коминтерна, сообщавшие о подготовке Японией агрессии против Советского Союза и его союзников, включавшей «сосредоточение военных сил на границе СССР и Монголии» и «рассылку... эмиссаров по народным республикам», подчеркивали участие «богатейших лам» в этих акциях японцев<sup>11</sup>.

Советская печать открыто заявляла, что «японский империализм имеет непосредственной задачей дальнейшее укрепление своего положения в Маньчжурии и Монголии»<sup>12</sup>, т.е. на границах СССР. Действительно, эти территории занимали одно из главных мест в экспансионистских планах Японии. В 1931 г. японская армия оккупировала северо-восточный Китай, где в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Военная опасность для СССР в дальневосточном регионе многократно усилилась. Советская пропаганда прямо указывала на то, что Япония «метит на... весь Дальний Восток вплоть до Байкала»<sup>13</sup>, а в Маньчжурии «создает плацдарм для войны против СССР»<sup>14</sup>. Непременно подчеркивался «буддийский фактор» в агрессивных планах Японии — утверждалось, что «подготовка нападения на советский Дальний Восток происходит при большом участии японских церковников», а «религиозные организации Японии ведут бешеную антисоветскую агитацию, призывая захватить советское Приморье»<sup>15</sup>.

После создания Маньчжоу-Го регулярными стали советско-маньчжурские (де-факто — советско-японские) пограничные столкновения. К осени 1933 г. взаимоотношения между СССР и Японией существенно ухудшились. Советское руководство встало перед необходимостью усиления военного и морально-политического отпора по-

тенциальной японской агрессии. Поэтому в октябре 1933 г. И.В. Сталин дал сигнал для начала в Советском Союзе долгосрочной антияпонской идеологической кампании, которая имела одной из основных своих целей оправдание в глазах советских людей усиления военного присутствия на советском Дальнем Востоке, укрепление границ, строительства в этом регионе предприятий военного значения и т.д. В лице Японии создавался «образ врага»<sup>16</sup>.

Антибуддийская пропаганда стала составной частью антияпонской кампании, в которой одну из главных ролей стали играть не только советская и партийная пресса, но и антирелигиозные средства массовой информации. В материалах этих изданий красной нитью проходило утверждение, что буддизм в Японии «служит... империализму», насаждая религию с целью борьбы с революционными идеями<sup>17</sup>, являясь «мощным орудием великодержавной и монархической пропаганды»<sup>18</sup>. Утверждалось, что «многочисленные буддийские организации» Японии «помогают идеологической подготовке империалистических войн», «издают милитаристскую литературу, содействуют фашистскому движению», а «их представители играют видную роль в агитации за “большую войну”»<sup>19</sup>. Приводились данные о значительном числе буддийских священнослужителей (151 855 чел. в 1928 г.)<sup>20</sup>, храмов (100 тыс. в 1928 г.)<sup>21</sup> и верующих буддистов в Японии (от 18 до 42 млн чел. в 1938 г.)<sup>22</sup>, которые составляли большинство верующих в этой стране<sup>23</sup>.

Один из деятелей «Союза воинствующих безбожников» А. Долотов апеллировал к «негативной» исторической роли буддизма, сообщая, что во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. «буддийское духовенство Японии именем будд благословляло японцев убивать русских»<sup>24</sup>. Журнал «Антирелигиозник» сообщал, что в Японии буддийские монахи якобы «борются с коммунизмом», в том числе, «поддерживают» землевладельцев в их «борьбе с крестьянами»<sup>25</sup>. Такие утверждения подкреплялись художественным вымыслом — например, в рассказе «Священный амулет», опубликованном в 1934 г. в журнале «Безбожник», говорилось о том, как в Японии буддийский священник выдал полиции комсомольца<sup>26</sup>. Антирелигиозник С. Урсынович отмечал, что «японский империализм... проявляет исключительное внимание к буддизму», а «хищный взор неразборчивого в средствах японского грюндера, тянущегося к новым рынкам и новым завоеваниям, светится в бесстрастном взоре будд и бодисатв»<sup>27</sup>. В 1936 г. советская печать сообщила, что «молодые буддийские попы в Японии ежедневно перед утренней молитвой изучают военное дело»<sup>28</sup> и участвуют в военных демонстрациях<sup>29</sup>.

Пропаганда отмечала «опасное» для СССР усиление «буддийского фактора», которое отмечалось не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире (возникли новые общины, открывались храмы, проводились религиозные конференции)<sup>30</sup>. В очерке Б.А. Александрова «Тибет» (1935–1936 гг.) подчеркивалось, что Япония «давно уже проявляет свои экспансионистские стремления в Тибете», где ведет «политические интриги» и пытается «использовать в своих захватнических интересах... ламские клики». Такие утверждения подкреплялись фактами «задержания в Тибете японских шпионов, буддийских лам, которые в дальнейшем оказывались японскими офицерами» и «обнаружении в Тибете японского оружия»<sup>31</sup>. В 1936 г. советская печать сообщила, что «в больших ламаистских храмах во Внутренней Монголии учреждены японские посты»<sup>32</sup>. Обращалось внимание на то, что во время японской оккупации в Маньчжурии существенно увеличилось количество буддийских храмов — если в 1932 г. их было 793, то к 1937 г. стало 1200<sup>33</sup>.

Советская пропаганда делала вывод, что все буддисты земного шара «уже давно связаны» с Японией<sup>34</sup>. В частности, якобы «целый ряд буддийских попов... известен активным участием в фашистском движении», а «многочисленные религиозные организации усердно помогают японским империалистам готовить и осуществлять планы грабежа и захвата»<sup>35</sup>. «Преданность лам японским фашистам», по мнению антирелигиозников, «доказывалась» их «повседневной деятельностью» в Монголии, Тибете и дру-

гих странах, когда «именем Будды оправдываются все ужасы фашистской агрессии» и «японские планы захвата и порабощения Китая»<sup>36</sup>.

Буддийские священнослужители всего мира обвинялись советской пропагандой в шпионаже в пользу Японии. Буддийские миссионеры рассматривались как «передовые агенты империалистического захвата»<sup>37</sup>. Антирелигиозник А. Калинин утверждал, что все миссионеры — это «агенты японского империализма», которые «под видом религиозной пропаганды, культурно-расового сближения... занимаются военным шпионажем, собиранием сведений о состоянии военных сил и революционного движения в Китае»<sup>38</sup>. По мнению бурятского антирелигиозного деятеля Б. Тогмитова, японцы руководили «многотысячной армией буддийских миссионеров в Китае и других странах своего господства и “сферы влияния”»<sup>39</sup>. В 1932 г. в рецензии на книгу «Поджигатели новых грабительских войн на Востоке», опубликованной в журнале «Антирелигиозник», сообщалось о деятельности буддийских священнослужителей как «агентуры японского империализма» в Китае, Маньчжурии и Монголии<sup>40</sup>.

Обвинения в «работе» на японскую разведку звучали в адрес не только миссионеров, но и всех верующих буддистов (например, «японские империалисты не раз использовали монахов-резидентов для организации антикитайских провокаций»)<sup>41</sup>. Открытые во время японской оккупации «японские и буддийские храмы» (42 храма в Китае и 155 — в Маньчжурии) именовались «шпионскими притонами японских разведчиков», которые якобы прикрывали свою деятельность «лозунгом единства интересов китайских и японских буддистов». Пропаганда утверждала, что «когда японские генералы стали организовывать в маньчжурских городах демонстрации в честь оккупантов, то буддийские шпионы шли в первых рядах», а «в лице продажных лам японская разведка создавала свои щупальцы на территории» Монголии, где «эти ламы... не раз участвовали в организации контрреволюционных вылазок, закончившихся их разгромом»<sup>42</sup>. В Туве ламы были объявлены «внутренним резервом» (т.е. «пятой колонной») потенциальной японской интервенции<sup>43</sup>.

Разумеется, власти с тревогой отмечали «активизацию» буддизма и внутри СССР. В частности, «усиление» культа «бога войны “Осыр-Джалма”», в честь которого в бурятском Агинском дацане в 1929 г. была построена ступа, рассматривалось как антисоветская акция, имевшая цель «заострить внимание верующих на приближении “Шамбалы”»<sup>44</sup> и помочь японской агрессии в подготовке войны»<sup>45</sup>. Пропаганда сообщала о про-японских высказываниях буддийских священнослужителей — например, лама-медик Н. Дорижапов, арестованный в Бурятии в 1936 г., якобы говорил, что «скоро придет с востока Япония, с запада Германия, тогда советской власти не будет»<sup>46</sup>.

Тем временем международная обстановка в дальневосточном регионе накалялась. В октябре 1936 г. Германия и Япония подписали протокол о военно-политическом сотрудничестве, через месяц переросший в «Антикоминтерновский пакт». В июле 1937 г. Япония начала агрессию против Китая. В том же году при помощи японских спецслужб во Внутренней Монголии был создан «Монгольский конгресс» и образовано прояпонское «автономное правительство»<sup>47</sup>, которое возглавило созданное на территории центральной части Внутренней Монголии марионеточное государство Мэнцзян<sup>48</sup>. Советская пропаганда отмечала, что «японское командование придает большое значение вопросу об объединении монгольских ламайтов и японских буддистов»<sup>49</sup>. Таким образом японская разведка и военные пытались использовать в своих целях идею панмонголизма. Япония призывала все монгольские народы, в т.ч. бурят и калмыков, к созданию собственного единого государства, при этом пропагандируя культурную и расовую близость монголов и японцев<sup>50</sup>. Такое развитие событий таило опасность для СССР, руководству которого пришлось противостоять японскому влиянию на «панмонгольскую» идеологию и деятельность, сопряженную с «буддийским фактором».

Как выявил Т.В. Халудоров, советское руководство стало подозревать бурятский народ в симпатиях к Японии уже после того, как активистам Бурятской народной думы в 1919–1920 гг. удалось вовлечь часть бурятского населения в панмонгольское движение<sup>51</sup>. Действительно, советская пропаганда подчеркивала, что панмонголисты, активизировавшиеся в Бурятии в послереволюционное время, являлись «верными слугами» Японии<sup>52</sup>, т.к. эта держава уже тогда выставляла себя ярким сторонником создания «Великой Монголии»<sup>53</sup> и даже пыталась с помощью атамана Г.М. Семенова «создать марионеточное “панмонгольское государство”»<sup>54</sup>. Неприятие панмонголизма в СССР официально обосновывалось тем, что эта идеология «ведет к ликвидации независимости Монголии и передаче судьбы монгольского народа в руки японских империалистов»<sup>55</sup>. На самом деле, советское руководство, в случае создания общемонгольского государства, опасалось потери своих «монгольских» республик — Бурятии и Калмыкии.

К началу 1930-х гг. отрицательное отношение к идеологии панмонголизма в Советском Союзе усилилось, в первую очередь, из-за резко обозначившейся угрозы со стороны Японии<sup>56</sup>. Панмонголизм теперь напрямую увязывался с «буддийским фактором», который «подпитывал» эту идеологию<sup>57</sup>. В то же время, советская пропаганда отмечала положительный опыт противодействия панмонголизму и японскому влиянию, когда при создании в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР советские власти «не испугались» Японии и оказали отпор противникам создания этой республики, которые считали, что «это будет на руку японским империалистам» и «создаст благоприятную обстановку для японской агитации и пропаганды панмонголизма»<sup>58</sup>. На основе этого опыта советское руководство пыталось строить противодействие панмонголизму в 1930-е гг.

В связи с обострением международной обстановки, в 1937 г. власть перешла к решительным мерам — буддийским священнослужителям в СССР было предъявлено огульное обвинение в «шпионаже». Вначале роль «агентов японской военщины» была присвоена «реакционным ламам, поддерживающим связь со своими соратниками, бежавшими за границу»<sup>59</sup>. Священнослужителям приписывался шпионаж в пользу Японии, в том числе, в такой экзотической форме, как «под видом сбора лекарственных трав для тибетской медицины»<sup>60</sup>. В связи с этим трудящихся призывали к усилению «бдительности в отношении религиозной агентуры фашизма», улучшению «антирелигиозной работы» и своевременному разоблачению «шпионской деятельности служителей культа»<sup>61</sup>.

В сентябре 1937 г. на 2-м пленуме Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) прозвучало обвинение в отношении всего ламства, которое якобы «имело связь с заграницей»<sup>62</sup>. На 3-м пленуме Бурят-Монгольского обкома в октябре 1937 г. было открыто объявлено, что все буддийские священнослужители — это «японские шпионы»<sup>63</sup>. В ноябре 1937 г. в Калмыкии была выявлена «вина» буддийских священнослужителей «в разрывании контрреволюционной агитации о якобы начавшейся войне на Дальнем Востоке» (очевидно, между СССР и Японией) и распространении «в связи с этим пораженческих настроений»<sup>64</sup>.

На фоне начавшихся массовых репрессий в отношении буддийских священнослужителей и мирян, СССР и Япония подошли к прямому вооруженному столкновению, неизбежность которого в те годы практически ни у кого не вызывала сомнений. Еще в июне 1937 г. на советском Дальнем Востоке вдоль границы с Маньчжоу-Го была установлена особо охраняемая приграничная зона шириной 300–400 км<sup>65</sup>. Партийные органы информировали население, что «Япония активно готовится к войне против СССР»<sup>66</sup>.

В период советско-японского военного противостояния (на озере Хасан в июле-августе 1938 г. и у реки Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 г.) пропаганда «антисоветской роли» буддийского фактора достигла своей кульминации. Утверждалось, что Япония смогла осуществить свое «провокационное нападение... на наши границы» при непосредственной помощи служителей религии<sup>67</sup>. Постоянно подчеркивался тот факт, что

Япония — это «буддийское государство», где главенствует идеология священной миссии по «объединению всех буддистов под японским главенством», поэтому во всех 86 671 буддийских храмах Японии ведется «милитаристская пропаганда и агитация»<sup>68</sup>. Буддийское духовенство Японии якобы «стремялось спекулировать на религиозных чувствах населения и призывало верующих именем... Будды к войне до победы»<sup>69</sup>, проводя во всех храмах «моления о даровании победы японскому оружию». Пропанганда с сарказмом отмечала, что Будда как бы находится «на службе японской военщины», так как он был объявлен «священным патроном японского воинства». Сообщалось, что в одном из японских храмов «для громадной статуи Будды... был сшит суконный военный шлем соответствующих размеров, который и был надет ей на голову», а «на груди статуи вывешен плакат с надписью: “Призываю к идеологической мобилизации японской нации”»<sup>70</sup>.

В 1938 г. было объявлено, что враждебная деятельность японцев под видом буддийской миссионерской деятельности широко распространилась на дальневосточные регионы Советского Союза<sup>71</sup>. Пропанганда педалировала «связь» бурятского и калмыцкого ламства с Японией. Утверждалось, что «интервенцию, которую готовит японский фашизм против СССР», буддийские священнослужители якобы «объявили “священной войной” небесных сил против еретиков и безбожников, в первую очередь, против русских». Ламы якобы распространяли информацию о том, что «Шамбала — это Япония». Такая деятельность, которая в советской пропаганде получила название «Учение “Шамбалы”», провозглашалась «орудием контрреволюционно-пораженческой агитации в пользу японского фашизма и разжигания националистических настроений среди верующих»<sup>72</sup>. «Разоблаченная» в 1938 г. органами НКВД «ламская диверсионная группа» была обвинена в том, что она планировала создать из Бурят-Монголии «протекторат Японии»<sup>73</sup>. Один из духовных лидеров буддистов в СССР Хамбо-лама А.Л. Доржиев, арестованный НКВД и умерший в тюрьме в январе 1938 г., был объявлен «агентом японской разведки»<sup>74</sup>, который «своим авторитетом старшего ламы» вовлекал «в антисоветскую контрреволюционную организацию лам рангом ниже его»<sup>75</sup>.

В 1939 г. было объявлено, что «японские попы-шпионы» проникли в СССР, где «немалое число этих бандитов было разоблачено органами советской разведки»<sup>76</sup>. Группа буддийских священнослужителей в Бурятии была объявлена «шпионами» и «вредителями», которые, якобы «пользуясь поддержкой правотроцкистских предателей и буржуазно-националистических вредителей», создали «разветвленную организацию, имевшую свой центр в Гусиноозерском дацане», и «составили план превращения Бурят-Монголии в японскую колонию». Эта группа лам была репрессирована в 1939 г.<sup>77</sup>

В целом, «связь с Японией» была общим местом шпиономании, развернутой в СССР во время «Большого террора». В 1930-е гг. многие советские чиновники и военачальники были арестованы по сфабрикованным делам и расстреляны как «агенты японской разведки»<sup>78</sup>. В их числе был председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов<sup>79</sup>. В августе и сентябре 1937 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) было депортировано все корейское население из Дальневосточного края. Оно было признано «нелояльным» в связи с тем, что Корея входила в состав Японской империи. В 1938 г. по аналогичным основаниям из Дальневосточного края было депортировано китайское население<sup>80</sup>.

Впоследствии накал антибуддийской пропаганды в СССР снизился в связи с тем, что у властей возникла уверенность в полном разгроме буддизма — к концу 1930-х гг. в стране не осталось ни одного действующего буддийского храма или монастыря. В материалах советской пропаганды отмечены только редкие упоминания о «буддийском факторе» в приложении к Японии — в частности, в 1940 г. печать опубликовала сведения, что японское правительство предпринимает попытки создать «национально-японскую церковь», для чего в этой стране был создан «единый буддийский центр»<sup>81</sup>. После Халхин-Гола советско-японские отношения постепенно вошли в стадию относи-

тельной нормализации, которая ознаменовалась подписанием 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией сроком на 4 года. Официальная антияпонская пропаганда в связи с этими внешнеполитическими изменениями была приглушена.

Во время Великой Отечественной войны педалирование «буддийского фактора» не произошло. Британский ученый В. Коларц считал, что «начало войны должно было ухудшить положение советских буддистов», т.к. «тот факт, что Япония, всегда рассматривавшаяся как сила, эксплуатирующая буддизм для своих собственных целей, была союзником Германии, должен был усилить подозрения Кремля в отношении его буддийских подданных»<sup>82</sup>. Однако, наоборот, в годы Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда, в том числе антибуддийская, была приглушена — вначале, в связи с необходимостью мобилизовать всех граждан стран, в том числе, верующих, на защиту Отечества, впоследствии — в связи с взятым советским руководством курсом на максимальное использование религиозных конфессий в целях внутренней и внешней политики. Именно поэтому «буддийский фактор» уже не имел значимости для советской пропаганды в ходе советско-японской войны августа-сентября 1945 г., завершившейся разгромом Японии.

В 1945–1946 гг., в рамках нового курса советской религиозной политики, буддизм в СССР был вновь легализован (открытие Иволгинского дацана, создание Центрального духовного управления буддистов). «Буддийский фактор» в эти годы в советско-японских отношениях проявил свою значимость на территориях, возвращенных в состав СССР (Южный Сахалин и Курильские острова). По состоянию на 1936 г. в этом регионе (японская провинция Карафуто) было 82 буддийских храма со 120 священнослужителями. Число прихожан составляло 53 174 чел. Как пишет сахалинский ученый И.А. Самарин, приход советской администрации ознаменовал собой новый, не самый легкий, период существования буддизма в этой регионе. В первые месяцы было разорено много буддийских храмов, а прихожане оставляли свои дома, бежав на Хоккайдо. Однако в последующем советские и партийные органы старались учитывать влияние буддийского духовенства на жизнь японского населения. Священнослужители были освобождены от всех мобилизационных работ, обеспечивались продовольствием, храмы получили «неприкосновенный» статус. Тем не менее, в связи с оттоком японского населения, буддийские храмы пустели. В 1947 г. началась их передача под другие нужды<sup>83</sup>. После депортации японского населения из Южного Сахалина и с Курильских островов роль «буддийского фактора» в советско-японском противостоянии 1920–1940-х гг. окончательно сошла на нет.

В целом, неизбежность педалирования «негативной» роли буддийского фактора во время советско-японского противостояния была продиктована не только внешне-, но и внутриполитическими обстоятельствами. После короткого периода «заигрывания» советского руководства с буддийской конфессией в надежде на ее использование в разжигании «Мировой революции» на Востоке, в середине 1920-х гг. руководство страны взяло курс на искоренение этой религии. Наряду с другими конфессиями, буддизм рассматривался как «враждебная сила», могущая помешать реализации социалистической перестройки народного хозяйства и морально-политического «воспитания» граждан страны. Следует согласиться с мнением В. Коларца, что власть в СССР склонялась к тому, чтобы «идентифицировать буддизм с каждым врагом Советского Союза и коммунизма в Азии», в том числе, с японским милитаризмом<sup>84</sup>. Эта уверенность особенно усилилась после вступления Японии в союз с гитлеровской Германией.

Свою роль в пристальном внимании руководства СССР к использованию Японией в своих интересах «буддийского» фактора сыграла история возникновения национальной религии алтайского народа — бурханизма. Как пишет С.П. Тюхтенева, мифологический образ Бурхан-Ойрот-Япон-хана, в котором воплотился, в том числе, образ императора Японии как противника императора России, сложился у алтайцев в период Рус-

ско-японской войны 1904–1905 гг. Хотя в этот период у Японии не было агентов среди алтайского населения, ибо у нее не было ни притязаний, ни геополитического интереса к территории Алтая, однако был интерес части самих алтайцев к победе Японии над Россией, которая, как они ожидали, принесет им национальное освобождение<sup>85</sup>. Поэтому бурханизм рассматривался правительством Российской империи как антигосударственная и «прояпонская» религия. Тем не менее, такое утверждение является спорным.

Спорным же является и вопрос о существенном значении «панмонгольского фактора» в агрессивных планах Японии. Т.В. Халудоров считает, что панмонгольское движение зародилось в 1919 г. во многом с подачи японских военных<sup>86</sup>. В то же время С.П. Ангаева подчеркивает ошибочность мнения о том, что движение панмогилизма было инспирировано Японией, т.к. эта идея зародилась в начале XX в. среди радикальной бурятской интеллигенции (Ц.Ж. Жамцарано, Э. — Д. Ринчино), а также религиозных деятелей (А.Л. Доржиев, Ч. Иролтуев)<sup>87</sup>. Панмогилизм мог использоваться японцами как составная часть их «паназиатской доктрины», выдвинувшей лозунг «Азия для азиатов» (читай — японцев)<sup>88</sup>.

Безусловно, на росте опасений советского руководства в отношении буддийской конфессии сказалась их уверенность в том, что японские власти, в целом, делали большую ставку на религию, широко используя в своих внешнеполитических интересах не только буддизм, но и другие конфессии, которые якобы находились «на службе у японского фашизма» и помогали японской «буржуазии и военщине в их военных планах»<sup>89</sup>. В советской пропаганде муссировалось утверждение, что в Японии действовали 253 тыс. храмов, монастырей и молелен разных религий, в которых «изо дня в день ведется разнузданная пропаганда мракобесничества и человеконенавистничества»<sup>90</sup>. Особое внимание обращалось на то, что японские власти стремятся объединить все распространенные в этой стране конфессии под своим началом — в частности, был создан единый синтоистский центр, проведена объединительная конференция протестантов<sup>91</sup>.

Ввиду особой значимости для СССР фактора православной церкви, пропаганда утверждала, что эта конфессия «сотрудничала» с японскими оккупантами в годы Гражданской войны<sup>92</sup>, в том числе, при помощи православных священников из числа этнических японцев<sup>93</sup>. Японская Православная церковь именовалась одной из «религиозно-шпионских организаций японского империализма»<sup>94</sup> и «орудием разведки»<sup>95</sup>. Подчеркивалась негативная роль христианства в целом — якобы «японские разведчики под видом христианских попов... буквально наводняют Китай и Монголию»<sup>96</sup>, «христианский мир поддерживает Японию в ее агрессивных планах против СССР»<sup>97</sup>, а Папа Римский является «союзником японской военщины»<sup>98</sup>.

Советская пропаганда акцентировала свое внимание и на использовании Японией «мусульманского фактора». Утверждалось, что во время Гражданской войны российские мусульмане якобы «помогали» Японии. Исламские священнослужители в Башкирии, Средней Азии, Крыму и на Кавказе в 1930-х гг. получили клеймо «японских шпионов»<sup>99</sup>. Подчеркивалось, что японцы используют для своих целей мусульман во всем мире<sup>100</sup>. В частности, Б.А. Александров писал, что в Китае японцы «для своих завоевательных целей» используют «мусульманские религиозно-шовинистические круги» с целью «объединения всех монголо-мусульманско-тибетских»<sup>101</sup> территорий Китая... под гегемонией японских «защитников» этих угнетаемых национальностей<sup>102</sup>. «Агентами японских милитаристов» были заклеены мусульманские священнослужители в Индокитае и Голландской Индии (Индонезии)<sup>103</sup>.

В целом, внутри самой Японии буддийский фактор, направленный на идеологическую мобилизацию японцев на войну с Советским Союзом, не играл существенной роли. Японское руководство использовало его в большей степени для мобилизации полезного для себя общественного мнения в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Главной идеологической мобилизующей силой внутри Японии был синтоизм, ко-



торый имел статус государственной религии с 1868 г. Повышение статуса синтоизма происходило, в том числе, за счет умаления буддийской конфессии, когда большинство буддийских ритуальных предметов было изъято и уничтожено, а храмы переданы синтоистам<sup>104</sup>. Синтоизм, представлявший собой древнейшую религиозную систему Японии и имевший весьма глубокие корни в народе, был превращен в систему политической пропаганды японской монархии. Поэтому эта религиозно-идеологическая система представляла для СССР опасность гораздо большую, чем буддизм. Советские власти четко осознавали это, в частности, во время присоединения Южного Сахалина. В докладной записке начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова на имя члена Политбюро А.А. Жданова, датированной 18 сентября 1946 г., говорилось о необходимости «принять меры к тому, чтобы полностью устранить официальный характер синтоистского культа, пресечь использование синтоистских храмов в целях восхваления японской монархии, пропаганды идеологии милитаризма и расовой исключительности». Как положительный факт отмечалось то, что в самой Японии государственный синтоизм, связанный с поклонением императору, приказом американской военной администрации был запрещен, а синтоистская конфессия отделена от государства<sup>105</sup>.

Буддизм в Японии пребывал в опале вплоть до окончания Второй мировой войны, когда в этой стране была восстановлена свобода вероисповедания<sup>106</sup>. Поэтому представляется, что «буддийский фактор» в агрессивных планах Японии, направленных против СССР, раздувался советской пропагандой искусственно. Тем более, что Советский Союз не являлся для японских властей первоочередным объектом агрессии, особенно, после того, как Япония вступила в затяжную войну с Китаем. Для Японии наиболее привлекательным направлением для экспансии была Юго-Восточная Азия с ее теплым климатом, более разработанными месторождениями полезных ископаемых и удобством транспортировки сырья по морским коммуникациям. Это и было доказано дальнейшим развитием событий<sup>107</sup>: Япония направила свои основные устремления на юг — в Китай, Индокитай, Индонезию и Океанию.

Хотя Японское государство использовало в своих целях буддийскую конфессию, не было оснований считать верующих буддистов искренними «союзниками» Японии, и уж тем более, агрессорами, инициаторами войн и международных конфликтов. Хотя по данным, приведенным К.М. Герасимовой, после оккупации Маньчжурии японцами «бурятские ламы выступали со всякого рода предсказаниями-абарами о том, что пришествие зарубежных спасителей веры благоприятно для бурятской жизни и будет иметь полный успех»<sup>108</sup>, такие заявления, даже если они и были, отражали не ненависть к России, а надежды на конец Советской власти, возобновление «прежней жизни», возрождение религии и т.д. Возвышение роли «буддийского фактора» в японской агрессии для властей СССР было не более чем дополнительным и немаловажным предлогом для реализации политики тотального разгрома буддийской конфессии в Советском Союзе, а также в странах-союзниках — Монголии и Туве, осуществленной в 1920–1930-х гг.

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001. 700 с.; *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931–1945 гг. М., 2001. — 453 с.
2. *Александров А.* Великая победа на Дальнем Востоке. Август 1945 года: От Забайкалья до Кореи. М., 2004. 409 с.; *Великая Отечественная Т. 7 (2): Советско-японская война 1945 г: история и военно-полит. противоборство двух держав в 30–40 гг. М., 2000. 437 с. (Сер. «Русский архив»); Зимонин В.П.* Победная точка во Второй мировой войне: советско-японская война 1945 г. — происхождение, ход, итоги. М., 2005. 112 с.; *Катасонова Е.Л.* Последние пленники Второй мировой войны: Малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005. 256 с.
3. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.

4. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии: Ист.-этногр. очерки. Элиста, 1994. 127 с.; Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии, 1900–1943 гг. Элиста, 2007. 239 с.; Дорджиева Г.Ш. Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX — первой половине XX в. М., 2001. 177 с.; Сафронова Е.С. Буддизм в России. М., 1998. 171 с.
5. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 20.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 587. Л. 75.
7. Там же. Л. 226.
8. Урсынович С. Религии туземных народностей Сибири. М., 1930. С. 69–70.
9. Там же.
10. Религии Японии // Безбожник. 1928. № 3. С. 5–7.
11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 29. Л. 42.
12. Очир Э. Внешнее положение Монгольской народной республики и политика Японии и Китая // Жизнь Бурятии. 1930. № 2–3. С. 95.
13. Дашидондобэ О. Об одной вреднейшей антимарксистской теории (о панмонголизме) // Вестн. Ин-та культуры. 1931. № 1. С. 26.
14. Война в Манчжурии и религия // Безбожник. 1932. № 1. С. 10–11.
15. Переписка японских и сибирских церковников // Безбожник. 1934. № 10. С. 9.
16. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 16–19.
17. Религия служит японскому империализму // Безбожник. 1935. № 6. С. 14.
18. Эльвин Ил. Фашизм и религия в Японии // Антирелигиозник. 1934. № 5. С. 16.
19. Кандидов Б. Религиозные организации как агентура японского империализма // Антирелигиозник. 1937. № 7. С. 28.
20. Антирелигиозник. 1932. № 1. С. 47.
21. Религии Японии. С. 5–7.
22. Буддийские религиозные организации в Японии // Антирелигиозник. 1938. № 8–9. С. 63–64.
23. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма» // Антирелигиозник. 1939. № 6. С. 50.
24. Долотов А. Ламаизм и война. Верхнеудинск, 1932. С. 4–6.
25. Антирелигиозник. 1932. № 1. С. 48.
26. Градов Гр. Священный амулет // Безбожник. 1934. № 3. С. 16–17.
27. Урсынович С. Буддизм и ламаизм. М., 1935. С. 46.
28. Безбожник. 1936. № 10.
29. Безбожник. 1936. № 7. С. 17.
30. Ростовцев А. Зашевелился... будда // Безбожник. 1932. № 15. С. 18.
31. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 341. Л. 110.
32. Эльвин Ил. Грабительская война Японии против Китая и позиция церковников // Безбожник. 1939. № 5. С. 14.
33. Буддийские религиозные организации в Японии. С. 65.
34. Урсынович С. Буддизм и ламаизм. С. 46.
35. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 51.
36. Вампилов Б. Об антирелигиозной работе в Бурят-Монголии // Антирелигиозник. 1938. № 8–9. С. 29–30.
37. Урсынович С. Религии туземных народностей Сибири. С. 69–70.
38. Калинин А. Буддийские миссионеры — агенты японского империализма // Антирелигиозник. 1928. № 11. С. 30.
39. Тогмитов Б. Ламаизм и бурятский национал-демократизм // Антирелигиозник. 1930. № 7. С. 21.
40. Антирелигиозник. 1932. № 14. С. 60.
41. Эльвин Ил. Грабительская война Японии против Китая и позиция церковников. С. 14.
42. Кандидов Б. Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 29–30.
43. Резолюции IX съезда ТАРП. Кызыл, 1932. С. 5, 16.
44. Очевидно, имеется в виду не «Шамбала» (мифическая страна, располагающаяся в Тибете или другом регионе в центре Азии), а битва между силами добра («воинством Шамбалы») и силами зла.
45. Вампилов Б. Указ. соч. С. 30.
46. Даурский В. Ламаизм и тибетская медицина // Антирелигиозник. 1938. № 7. С. 40.

47. Халудоров Т.В. Политические аспекты идеологии панмонголизма: дисс.... канд. полит. наук. М., 2005. С. 121.
48. Просуществовало до 1945 г.
49. Кандидов Б. Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 30.
50. Халудоров Т.В. Указ. соч. С. 121.
51. Там же. С. 113.
52. Дашидондобэ О. Указ. соч. С. 21.
53. Очир Э. Указ. соч. С. 96.
54. Ербанов Е.М. Доклад о проекте Конституции Бурят-Монгольской АССР. Конституция (Основной Закон) Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ, 1937. С. 12.
55. Дашидондобэ О. Указ. соч. С. 26.
56. Халудоров Т.В. Указ. соч. С. 121.
57. Дашидондобэ О. Указ. соч. С. 29.
58. Ербанов Е.М. Указ. соч. С. 12.
59. Кандидов Б. Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 34–35.
60. Вампилов Б. Указ. соч. С. 29.
61. Кандидов Б. Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 34–35.
62. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 579. Л. 37–38.
63. Там же. Л. 101.
64. Там же. Д. 1885. Л. 112.
65. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 20–21.
66. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 579. Л. 40.
67. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 52.
68. Буддийские религиозные организации в Японии. С. 63–64.
69. Безбожник. 1938. № 8–9. Посл. стр. обл.
70. Будда на службе японской военщины // Известия. 1938. 5 июня.
71. Буддийские религиозные организации в Японии. С. 65.
72. Вампилов Б. Указ. соч. С. 29.
73. Шалман В. Не вышло и никогда не выйдет! Процесс контрреволюционной антисоветской организации в Еравне // Бурят-Монгольская правда. 1939. 18 апр.
74. Вампилов Б. Указ. соч. С. 29.
75. Шалман В. Указ. соч.
76. Эльвин Ил. Грабительская война Японии против Китая и позиция церковников. С. 14.
77. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 53.
78. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 21.
79. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 579. Л. 37–38.
80. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 20–21.
81. Лейтнер М. Попытки создать единую церковь в Японии // Безбожник. 1940. 15 дек.
82. Kolarz W. Religion in the USSR. New York, 1961. P. 457.
83. Самарин И.А. Буддизм на Южном Сахалине в период губернаторства Карафута (1905–1945 гг.): история и архитектура // Вест. Сахалин. музея. № 14. Южно-Сахалинск, 2007. С. 206, 212–212.
84. Kolarz W. Op. cit. P. 448–449.
85. Тухтенева С.П. «Японский след в алтайском бурханизме»: вымысел или реальность? // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 69.
86. Халудоров Т.В. Указ. соч. С. 110.
87. Ангаева С.П. Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1999. С. 38–39.
88. Сенаевская Е.С. Указ. соч. С. 43, 55.
89. Шейнман М. Религия и фашизм // Безбожник. 1938. № 5. С. 12.
90. Амосов Н. Религия на службе японских самураев // Безбожник. 1938. № 8–9. С. 4.
91. Лейтнер М. Попытки создать единую церковь в Японии.
92. Японская интервенция и православная церковь // Безбожник. 1929. № 20. С. 16–17; Кандидов Б. Атамановщина, японские интервенты и роль церкви // Антирелигиозник. 1932. № 10. С. 20; Его же. Японский империализм и православная церковь // Безбожник. 1932. № 11–12. С. 11–12; Его же. Японская православная церковь на службе русского и японского империализма // Антирелигиозник. 1932. № 11–12. С. 6.

93. Переписка японских и сибирских церковников. С. 9.
94. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 52.
95. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 30.
96. *Амосов Н.* Указ. соч. С. 4.
97. Война в Манчжурии и религия. С. 10–11.
98. Папа — союзник японской военщины; Японские шпионы среди мусульманского духовенства // *Антирелигиозник*. 1938. № 8–9. С. 66–67.
99. Там же.
100. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 53.
101. Имелись в виду Синьцзян и территории, населенные хуэйцзу и другими китайскими мусульманами.
102. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 340. Л. 12.
103. *Лейтнер М.* Религиозная агентура японских империалистов // *Безбожник* (газета). 1940. 8 сент.
104. Бугаев Ю. Буддизм в Японии // *Япония сегодня*. 2008. № 2. С. 5.
105. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 79–80.
106. *Бугаев Ю.* Указ. соч. С. 5.
107. *Маннанов М.А.* Япония в военно-политических планах СССР накануне и в годы Второй мировой войны // *Россия и мир: вызовы времени. Материалы Международ. науч.-практ. конф. «Вторая мировая война в зеркале современности»*. Уфа, 2005. Ч. 1. С. 132–133.
108. *Герасимова К.М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964. С. 141.